

Общаясь с внешним миром, он думал, что у него получается. Но, оставаясь наедине с собой, понимал — это лишь иллюзия. Он всё время обманывал сам себя.

Жить для него было одной пыткой.

Хотя... теперь всё изменилось.

Гу Уюань улыбнулся, опустив голову.

«Достаточно, чтобы хотя бы один человек понял, что я чувствую», — сказал он, взяв со стола диктофон и нажав кнопку удаления. — Я явлюсь с повинной. Спасибо, что дал мне этот последний выбор.

Пэн Цзэфэн остановил его.

— Поплачь. Моё плечо к твоим услугам.

Пересохшие слёзные железы ожили в тот же миг. Пожалуй, только Пэн Цзэфэн мог понять, как отчаянно Гу Уюань не хотел быть сильным и стойким. Ему просто хотелось выплакаться. Разреваться без утайки, не сдерживаясь.

— Спасибо, — прошептал Гу Уюань. — Спасибо, что дал мне не только выбор, но и право на детскую слабость.

За дверью послышались полицейские сирены. Взгляд Пэн Цзэфэна стал острее.

— Ты вызвал полицию? Чтобы сдаться?

— Я попросил свою ассистентку сделать это ещё до моего прихода. Она дурочка... долго рыдала, прежде чем согласилась помочь. Если бы я раньше был способен любить... я бы на ней женился.

В глазах Пэн Цзэфэна мелькнуло что-то сложное. Он перестал двигаться к двери.

— Хотя это умышленное убийство, но оно спровоцировано тяжкой виной потерпевшего. Так что, скорее всего, дадут только три года. Я попрошу адвоката постараться сократить срок. Так что не бойся. Всё у вас будет хорошо.

В глазах Гу Уюаня блеснула искра, но тут же погасла.

— Но я даже не могу целоваться. Даже объятия... нет, любой физический контакт вызывает у меня отторжение.

— Подойди.

— ?..

Гу Уюань сделал шаг и замер.

Он обнаружил, что то, чего он так панически боялся, на самом деле не так ужасно. По крайней мере, сейчас его чувства говорили ему, что это... тепло. И мягко, как зефир.

И тело другого человека было таким же тёплым, как его руки, — тёплым, дающим ощущение безопасности.

— Больше не бойся, — тихо сказал Пэн Цзэфэн. — Всё наладится.

Гу Уюань ответил на объятия.

— Если выйдет... обязательно будь моим шафером.

— Обязательно.

— Ладно. Открой дверь, господин Пэн.

— Если не выйдет оправдать тебя полностью... если в тюрьме что-то случится — дай знать. У меня есть связи в полиции.

Сказав это, Пэн Цзэфэн открыл дверь.

Взгляд Гу Уюаня не отрывался от его движений.

— Встретить вас... это была большая удача.

Никогда не бывает слишком поздно для искупления.

** Полицейский Хуан Мэнсюэ

Когда папарацци обнародовали ту новость, и все улики указали на Гу Уюаня, Хуан Мэнсюэ был в полном ступоре.

Его семья в деревне считалась зажиточной — по крайней мере, они могли позволить ему окончить школу, поступить в полицейскую академию и не идти на компромиссы с тем, что он считал справедливостью. Но не у всех в их деревне была такая возможность. Именно Гу Уюань организовал благотворительные программы, давшие им надежду.

Ему самому помощь была не нужна, но он помнил этот долг.

Он никак не ожидал, что вновь столкнётся со своим благодетелем в такой роли. Как он мог пережить нечто настолько чудовищное? Почему записи с камер в школе сохранились, но никто не заявил в полицию? Почему это всплыло только теперь, благодаря папарацци, преследовавшим свои цели?

Наказывать такого негодяя не должны были руки его благодетеля... Хуан Мэнсюэ смотрел на почти неопровержимые доказательства, и глаза его наливались кровью. Если бы полиция работала лучше...

Он был не из самых сообразительных, но долго думал и в итоге решился на отчаянный, почти глупый шаг.

Выйдя из кабинета Пэн Цзэфэна и усевшись в патрульную машину, он всё ещё содрогался от страха. Всё, что он только что сделал, было его личной инициативой. Он отчаянно хотел опередить коллег, найти неопровержимые доказательства, встретиться с подозреваемым и уговорить его сдать, а затем скрыть детали, представив всё как добровольную явку с повинной. Тогда... такому хорошему человеку не пришлось бы сидеть долго?

** Монологи Гу Уюаня

Монолог 1

Выбор — удел детей. У взрослых его нет.

Монолог 2

Почему вы похожи на ветер? Потому что вы неуловимы. Мягки, но несокрушимы. Можете быть и шквалом, и лёгким дуновением — как пожелаете. Обладая силой, что может смести всё на своём пути, вы предпочитаете принести аромат цветов и исчезнуть. Вы даёте ощущение «именно так, как нужно».

Я никогда не чувствовал себя настолько расслабленно. Не нужно было ни о чём беспокоиться, меня не принуждали говорить. Всё шло от сердца. А вы... вы с лёгкостью, будто само собой, угадали моё настроение. Без усилий, словно ветер, что качает листья на деревьях — ровно настолько, насколько нужно.

Как это выразить? Кажется, что одна встреча с вами уже несёт искупление. Интересно, другие ваши пациенты чувствуют то же самое? Уверен, что да.

Монолог 3

Пожалуй, явка с повинной — это то, что я должен сделать. Ведь моё желание, наверное, исполнится во время этой встречи. Нельзя больше искать оправданий.

Монолог 4

Вы и вправду постоянно удивляете. Вы не только дали мне шанс на счастье, но и сдержали каждое своё слово. *Улыбается.* Вы прекрасно готовите. Спасибо за угощение.

— Здравствуйте, — опустилась в кресло женщина с измождённым лицом. — Я Тань Цзяцзя. Меня записали родные.

Пэн Цзэфэн взглянул на часы: она пришла на полчаса раньше.

Он убрал в ящик стола комикс, который, как утверждалось, формировал мировоззрение другого пациента.

— Горячее молоко подойдёт? Вы выглядите неважно.

Тань Цзяцзя пребывала в глубокой подавленности, говорила еле слышно, и лишь жалкие остатки рациональности заставляли её искать помощи.

— Доктор Пэн, я уже проходила обследование в психиатрии. Со мной всё в порядке. Но только я... я вижу детей не такими, как все. Я сойду с ума.

Пэн Цзэфэн налил молока в кружку, поставил на подогреватель и лишь затем сел.

— Мне нужно, чтобы вы подробно рассказали мне всё, что видите. Потому что проблема может быть вовсе не в вас. Или же это явление само по себе не является проблемой.

В усталых глазах женщины мелькнуло недоумение.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что вам не нужно напрягаться. Просто расскажите мне всё, что видите и чувствуете. Что угодно. Говорите прямо, без оглядки. Просто доверьтесь мне.

Пэн Цзэфэн всегда полагался лишь на собственное суждение.

— Даже если... это звучит как нелепая фантазия?

Тань Цзяцзя уже была на грани. Муж, клявшийся в вечном доверии, теперь смотрел на неё как на сумасшедшую. Лучшая подруга уверяла, что верит, но тут же пересказывала её сокровенное семье. Даже отец, всегда её баловавший, считал, что проблема в ней, и настаивал на обследовании.

— Верьте мне. И верьте себе.

Пэн Цзэфэн коснулся стенки кружки, проверил температуру и убавил нагрев.

— Молоко можно пить.

Тань Цзяцзя взяла кружку с тёплым молоком, и её лицо слегка расслабилось. Она опустила глаза, будто собираясь с мыслями.

Пэн Цзэфэн не торопил. Он налил себе стакан воды, отпил и погрузился в размышления.

Для Пэн Цзэфэна сосредоточиться на одном деле было скучновато. Делить внимание между двумя — обычное, рабочее состояние. Между тремя — норма. Четыре задачи требовали некоторой концентрации. Пять — это пик эффективности. Шесть — уже напрягало, но было выполнимо.

Сейчас он работал в режиме «четыре».

Пятьдесят процентов внимания — на женщину напротив. Двадцать — продолжал обдумывать мировоззрение, построенное в том комиксе. Десять — размышлял об ужине. Оставшиеся двадцать — готовился к предстоящему выступлению на конференции, решая, сколько вложить профессиональной информации, сколько — эффектных деклараций, и в какой момент мягко, но неоспоримо продемонстрировать превосходство...

Обычно Пэн Цзэфэн гнушался демонстративного превосходства — среди коллег-психологов это было бессмысленно. Ему не требовались их доверие или одобрение. Но в ответ на неизбежные сомнения и придирки такой способ — дать им прочувствовать дистанцию — был самым эффективным.

Пэн Цзэфэн спокойно отпивал воду, ожидая, когда Тань Цзяцзя заговорит.

<http://bllate.org/book/16276/1465416>